

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1.1(Кабанов А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445

ГСНТИ 16.21.33; 17.82.10

Код ВАК 10.01.03

Н. В. Барковская **N. V. Barkovskaya**

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**«МЕЖ ДВУХ ОТЧИЗН»:
КНИГА СТИХОВ АЛЕКСАНДРА КАБАНОВА
«БЭТМЕН САГАЙДАЧНЫЙ.
КРЫМСКО-ХЕРСОНСКИЙ ЭПОС»**

**«BETWEEN TWO MOTHERLANDS»:
A BOOK OF POETRY
BY ALEXANDER KABANOV
«BATMAN SAGAIDACHNY.
CRIMEAN KHERSON EPOS»**

Аннотация. Книга стихов живущего в Киеве А. Кабанова посвящена осмыслению особого положения русского поэта, оказавшегося после распада Советского Союза в ситуации культурного разрыва с некогда единым литературным полем. Ирония в адрес официальных мифов о национальной исключительности Украины соседствует с грустью, вызванной ощущением отделенности от русского культурного пространства. «Остров» и «дорога» — основные метафоры, передающие чувство отброшенности и стремление восстановить разорванные связи с русской поэтической средой.

Abstract. A book of poetry by A. Kabanov currently living in Kiev, is devoted to the comprehension of a special status of the Russian poet who, after the Soviet Union collapse, appeared in the situation of cultural breach of the poetic field that used to be united. The irony towards the official myths of the unique nature of the Ukrain is mixed with sadness, which is caused by the separation from the Russian culture. “Island” and “road” are main metaphors that convey the feeling of rejection and the aspiration to restore broken links with the Russian poetry.

Ключевые слова: современная поэзия; книга стихов; культурная география; ирония.

Key words: modern poetry; a book of poetry; cultural geography, irony.

Сведения об авторе: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ведущий кафедрой современной русской литературы.

About the author: Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Modern Russian Literature.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
e-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Александр Кабанов, как сообщает аннотация, одна из ключевых фигур в современной поэзии: автор семи книг стихов, лауреат нескольких премий, главный редактор журнала культурного сопротивления «ШО», один из основателей украинского слэма, координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры». Книга стихов А. Кабанова «Бэтмен Сагайдачный. Крымско-херсонский эпос» вышла в московском издательстве «Арт хаус медиа» в 2010 г. Она посвящена осмыслению того нового положения Южной Украины (Донецкий бассейн, Крым, Северное Причерноморье), в котором регион оказался после распада Советского Союза.

*Отгаремели русские глаголы,
стихли украинские дожди,
лужи в этикетках Кока-Колы,
перебрался в Минск Салман Рушди.*

*Мы опять в засаде и опале,
на краю одной шестой земли,*

*там, где мы самих себя спасали,
вешали, расстреливали, жели.*

*И с похмелья каялись устало,
уходили в землю про запас.
Родина о нас совсем не знала,
потому и не любила нас.*

*Потому что хамское, блатное —
оказалось ближе и родней,
потому что мы совсем другое
называли Родиной своей.*

[Кабанов 2010: 36]

Лирический герой переживает не только личную драму отчужденности от Петербурга, Москвы, Казани, но и общее «окраинное» положение древней скифской земли, получившей даже не просто статус окраины, обочины (экотона), но обреченной на островное существование, робинзонаду. Полуостров Крым осмысливается как *остров*, отделенный от общего культурного материка:

Статья выполнена в рамках проекта «Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси», грант РГНФ № 13-24-01001.

© Барковская Н. В., 2013

*Где теперь мое комильфо?
Хорошо, что нет неглиже!
Был такой прозаик — Дефо,
он писал о русской душе...*

[Кабанов 2010: 128]

Горькое чувство отверженности и одиночества только подчеркивается ерническими рифмами; французские слова, образ английского моряка Робинзона, потерпевшего кораблекрушение — все это имеет прямое отношение к «русской душе», с ее «всемирной отзывчивостью» и знаменитой тоской.

Подобное ощущение отброшенности, изоляции от некогда единого культурного пространства выражено и в лирических книгах Бориса Херсонского, русского поэта, живущего в Одессе; «новое средневековье», раздробленность и междоусобицы (с отчетливым психоделическим акцентом) обрисованы в романе С. Жадана «Ворошиловград», действие которого разворачивается на Луганщине. Есть, однако, и попытки истолковать межграничье по-другому — как зону контакта, связи, коммуникации. Так, книга «Кордон. (Три пограничных поэта)» [Кордон 2009] объединила стихи С. Жадана, А. Полякова, И. Сида. В аннотации сказано, что данный сборник являет собой «попытку прорыва между культурами», в нем «геополитика вытесняет геополитику». Как и авторы «Кордона», Борис Херсонский считает перспективной попытку навязать многонациональной Одессе один официальный миф: «...я наблюдал малоудачную попытку утвердить украинский одесский миф в качестве основного, официального. Этот миф основывался на том, что на месте турецкого Хаджибея когда-то было украинское поселение Кацюбеев, таким образом, Одессе — не двести лет, а целых шестьсот. Дерibas и Ланжерон спрятались было за спину атамана Головатого. А казацкие силы, участвовавшие во взятии Хаджибея, превратились на какое-то время в освободителей исконных земель от турок. Здесь дело не в фактах, а в акцентах» [Херсонский 2013].

А. Кабанов также сопротивляется историческим спекуляциям и однозначной национальной идентификации региона, где проживают украинцы, русские, евреи, молдаване, татары, цыгане. Книга открывается текстами, иронично деконструирующими «государственный эпос» Украины, точнее помпезный китч, «общие места». В качестве стихотворения-эпиграфа к книге дан курсивом текст, начинающийся такой строфой:

*„Новый Lucky Strike“ — поселок дачный,
слышится собачий лайк,
это едет Бэтмен Сагайдачный,
оседлав роскошный байк.
Он предвестник кризиса и прочих
апокалипсических забав,
но, у парня — самобытный почерк,
запорожский нрав.
Презирает премии, медали, сёрбаёт
вискарь,
он развозит Сальвадора Даля
матерный словарь.*

[Кабанов 2012: 3]

Макаронический стиль, смешивающий лексику разных языков, воссоздает атмосферу не поликультурного региона, а бескультурного хаоса, поэтому супергерой — рэкетир, которого боятся «звери-олигархи, птицы-куркули», — распространяет вовсе не словарь народных говоров Владимира Даля, а словарь нелитературной брани имени сюрреалиста Дали.

Пародируя древние летописи и «Слово о полку Игореве», автор избирает «старые словесы» для рассказа о первом украинском драконе Тарасе, у которого были «усы / роскошные серебристые усы», об этом прародителе запорожцев — «первых панков». Из еще более древних греческих мифов пришел другой супергерой: якобы в Херсоне жил циклоп, красавец-цыган, у которого были в шесть рядов зрачки. Он угонял лошадей и в мешках под глазами прятал. Запорожцы, казаки, тачанки, скифские бабы, фразы «поворотись-ка, сынку» и «турецко-подданный мой отец», лиманы и майданы, «Одесса-мама» и тому подобное — все эти стершиеся культурные знаки, элементы национального мифа выворачиваются наизнанку.

*Местные лошади бредят тачанкой,
что бронзовеет в степях под Каховкой,
ржет на конфетах с клубничной начинкой,
мчится в куплетах с печальной концовкой.*

*Скифские бабы (видать, от обиды)
окаменели, в кровать не заманишь.
Вспомнишь печальное небо Тавриды
и позабудешь, писателем станешь.*

[Кабанов 2010: 14]

В оформлении обложки книги «Бэтмен Сагайдачный» использован пиксельный рисунок Стаса Орлова, но к антуражу Бэтмена добавлены изображение шестопера на шлеме (символ власти полковника в Запорожской Сечи) и трезубца на плаще (элемент герба Украины), из-под маски Бэтмена видны пышные запорожские усы. Каламбур в заголовочном комплексе книги травестиру-

ет фигуру воспетого в народной песне национального героя, гетмана Петра Сагайдачного, славного атамана Запорожской Сечи, совершившего в свое время успешные походы на Крымское ханство, Османскую империю и Русское царство, погибшего во время турецко-польской войны.

Не только украинский, но и великорусский неомиф травестируется А. Кабановым. В одном из стихотворений в форме нелепого киносценария рассказывается, что Причерноморье и Россия произошли от двух братьев-близнецов Одиссеев: „...когда-то боги были очень рассеянными / и в память об этом они сотворили огромную страну / и назвали ее — Россия, вернее — Рассея...“ / камера наезжает: зрители, постепенно кося, / ощущают крепленную патриотическую волну [Кабанов 2010: 48].

В стихотворении «Русское поле» говорится о насильственной разлуке поэтов по воле политиков, действующих в стилистике героев из американских боевиков, триллеров, неомифов:

*Иван-чай допивает кофе и включает
защитное поле —
Прозрачный купол на сотню гектаров,
а то и больше,
Теперь: царапайся, бей кувалдой,
стреляй, натирай мозоли —
Всем нерусским вход запрещен,
особенно Мойше...*

[Кабанов 2010: 52]

Среди растущих на «ниве русской поэзии» трав (подорожник, полынь, ромашка, коровяк, мелиса, мята, пырей), у которых от жажды чешутся корни и скручиваются листья, упомянут пастернак — благодаря этой аллюзии текст напоминает о четвертом стихотворении из цикла Марины Цветаевой «Провода», обращенном к Б. Пастернаку: «Рас-стояние: версты, мили...», где также с горечью говорилось о том, что поэтов «не рас-сорили», но «рас-сорили» по разным концам земли.

В противовес идеологическим конструктам А. Кабанов рисует природный облик земли: Днепр и Южный Буг; сад — «шершав и абрикосов», травы: багульник, чертополох, камыш, одуванчик, цикламены, встречные огни херсонских дач, — птицы: дятел, синицы, ласточки, — «кардиограмма крымских гор», сверчок и стрекозы. Простые жители, хоть и не «самураи-запорожцы», но по своему величественны:

*Будто скороходы исполина —
раздвоилась ночь передо мной
и лоснилась вся от гуталина,
в ожиданье щетки обувной.*

*Что еще придумать на дорожку:
выкрутить звезду на 200 ватт?
Не играют сапоги в гармошку,
просто в стельку пьяные стоят.*

*В них живут почетные херсонцы,
в них шумят нечетные дожди,
утром на веранду вносят солнце
с самоварным краником в груди.*

[Кабанов 2010: 15]

Ощущение эпичности возникает благодаря атмосфере древности этой земли: упоминаются Марк Аврелий, Одиссей, Геллеспонт, Терпсихора, Эллада, Таврида, Колхида, Троя, Архилох, Харон, Иона. Не только древняя культура создавала неповторимую ауру региона, но и XX век. Лирический герой, саркастически высмеивая идеологемы новейшего времени, мечтает произнести признание на скифском [Кабанов 2010: 35], перевести слова о Коктебеле «на коктейльский» [Кабанов 2010: 31]. Дом Максимилиана Волошина в Коктебеле был местом паломничества поэтов Серебряного века, в этом доме царил атмосфера дружеского общения, творчества, влюбленности... — «под небом из божьего стекла», как с грустной иронией скажет А. Кабанов.

Лирический герой книги видит свою задачу в том, чтобы восстанавливать связь, наводить мосты (разумеется, через слово и с помощью компьютера — гугла — Интернета, не раз упомянутых в стихах). Одна из автометафор — шелкопряд, неустанно ткущий шелковую нить, связующую землю и небо, прошлое и настоящее; возможно, это одна из нитей «мировой паутины» — сети Интернет:

*Я здесь, я тут,
поэтому и зовут меня — тутовый
шелкопряд,
злые языки плетут,
что я — не местный, что я —
тамошний шелкопряд,
понаехавший, gastarbaiter, пархатый
шельмец.*

<...>

*А я по-прежнему тут, я еще и еще
здесь,
вот привели туристов, они
из страны — Нэтрэба,
километровой нитью укутан весь:
от последней строки
и до самого первого неба.*

[Кабанов 2010: 20]

Ключевое положение в книге занимает диптих «Мосты», входящий в цикл «Талисманские тексты. Из книги в книгу».

*Лишенный глухоты и слепоты,
я шепотом выращивал мосты —
меж двух отчизн, которым я не нужен.
<...>*

*Я изучаю смысл родимых сфер:
пусть зрение мое — в один Гомер,
пускай мой слух — всего один Бетховен...*

[Кабанов 2010: 126]

Сознавая, что вокруг «темным-темно» и безмузыкально, поэт утверждает, что и в такой ситуации «есть ностальгия зрения и слуха!». Однако общая тональность книги не ерничество и не гордое самоутверждение героя, а печаль: *Поэт — сплошное ухо тишины / с разбитой перепонкой барабанной* [Кабанов 2010: 140]. Не случайно одной из автометафор становится старый пес: *А я ослеп и чуточку оглох <...> И время мне выкусывает блох, вылизывает память напоследок* [Кабанов 2010: 147]. Трогательно звучит «Колыбельная для пишущей машинки»: *На лице твоём морщинка, вот еще, и вот... / Засыпай, моя машинка, ангельский живот! <...> ты приляг на эти пальцы — на подушечки...* [Кабанов 2010: 152]. Доминирует в книге ощущение постистории, сумерек эпохи, зимы, заносающей снегом «и монастырь и нечистую силу», «кацапов, жидов и хохлов — / и другие нехитрые вещи» [Кабанов 2010: 130]. Игра словами в стихотворениях Кабанова явно восходит к поэзии В. Хлебникова, впрочем, и прямо названно: *Где жжется рукопись, где яростно живется / на Хлебникове и воде* [Кабанов 2010: 131]; ср. у Хлебникова знаменитое: «Усадьба ночью, чингисхань!». Группа кубофутуристов «Гилея» зародилась именно в Северном Причерноморье. Тем более грустно сознавать, что мечты Хлебникова о будущем мировом братстве людей не сбылись.

Взгляд на Крым подобен последнему прощанию:

*И чужая скучна правота, и своя
не тревожит, как прежде,
и внутри у нее провода в разноцветной
и старой одежде.
желтый провод — к песчаной косе,
серебристый — к звезде над дорогой.
не жалей, перекусывай все,
лишь сиреневый провод не трогай.*

*Ты не трогай его потому, что поэзия —
странное дело:
все, что надо — рассеяло тьму
и на воздух от счастья взлетело.
То, что раньше болело у всех —
превратилось в сплошную щекотку,
эвкалиптовый падает снег, заматая
навеки слободку.*

*Здравствуй, рваный, фуфаечный Крым,
потерявший империю злую,
над сиреневым телом твоим я склонюсь
и в висок поцелую.*

*Липнут клавиши, стынут слова,
вот и музыка просит повтора:
Times New Roman, ребенок иа, серый волк
за окном монитора.*

[Кабанов 2010: 13]

Ключевой в этом стихотворении эпитет «сиреневый» можно истолковать по-разному: возможно, так был окрашен Крым на «больничной карте» страны, т. е. на географической карте; может быть, тут присутствует ассоциация с элегической песней разлуки «Сиреневый туман»; сиреневым может быть Крым от цветущей лаванды... Однако, и это главное, теперь почти весь мир для поэта сузился до экрана монитора.

Вместе с тем завершает книгу «дорожное» стихотворение: поезд куда-то увозит героя, и это начало разлуки. В руках пассажира — чайный пакетик, разовый «пакетик печали» с пеньковой нитью, но за окном все же «мир, по наитию, свеж и прекрасен», с полустанками и зимними звездами, которые не стереть и не стряхнуть [Кабанов 2010: 153]. Мотив пути с его богатой культурной памятью вводит тему транзита как вариант связи, пересечения границ, наведения «мостов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанов А. Бэтмен Сагайдачный. Крымско-херсонский эпос. — М. : Арт Хаус медиа, 2010.
2. Кордон. Три пограничных поэта. — М. : Арт Хаус медиа, 2009.
3. Херсонский Б. Одесский синдром // Крещатик. 2011. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2011/1/he28.html> (дата обращения: 14.09.2013).

Статью рекомендует к публикации д-р философии, проф. Л. Цонева